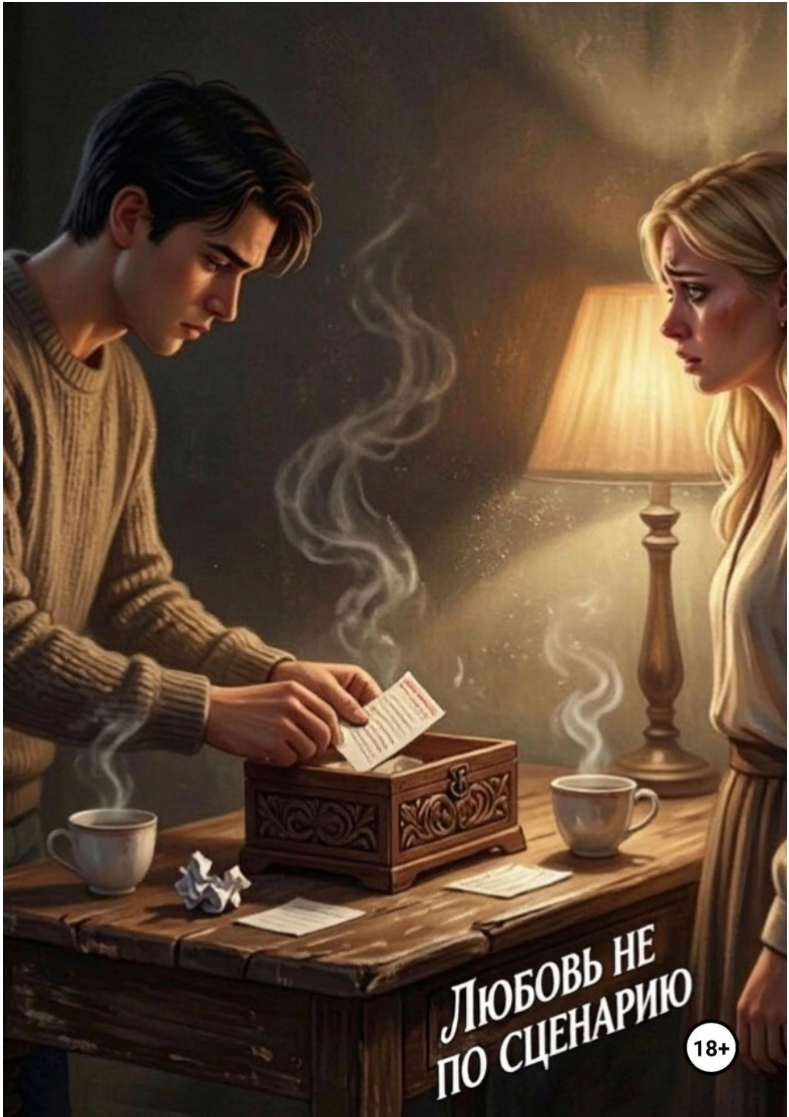

Любовь не
по сценарию
18+

Тати Фольс

Любовь не по сценарию

https://litres.ru/74702532
SelfPub; 2026

Аннотация

Это история о паре, для которой настоящая любовь — не про безупречность, а про умение оставаться вместе, даже когда всё идёт не по плану. В нём столько тепла: будто любовь сама пишет свою историю — без репетиций, без идеальных реплик, зато с настоящими эмоциями, смешными неурядицами и тихими моментами, когда всё вдруг становится на свои места.

Тати Фольс
Любовь не по сценарию

Утро. Нежась в кровати, я ощущаю рукой отсутствие твое, поднимаюсь резко и наблюдаю что на мне ничего нет под одеялом, о боже что я, творила этой ночью, и как оказалась в кровати твоей, так думай, чтобы это на было попытаюсь поскорее слинять отсюда, пока никто не видит и меньше шума создам.

Найдя только рубашку на стуле белого цвета, одеваю на голое тело, такс ищем дальше, телефон, где мой телефон? Только бы найти и станет проще жить.

Открываю дверь, смотрю по сторонам никого иду босая по коридору. Наткнувшись на кухне на тебя. О боже мне все еще стыдно за прошлую ночь, пусть первым начнет диалог, буду действовать по ходу дела, да полная импровизация, как я люблю. Смотрю в глаза, блин какие они красивые, так соберись не хватало еще влюбиться, такой пронизывающий взгляд и тут звук: «ужин на столе».

Ты встаешь одет по деловому стилю собираешься выходить, я молчу, так хочется много сказать, но в голове тараканы, перепутали все слова и предложения, единственное что я, выдала это: «а где мой телефон?»

- На журнальном столе ответил ты, удаляясь к входной двери.

Я в этот момент направилась к месту локации своего телефона, но как всегда легких путей я не ищу, через спинку дивана я наклонившись ползу за телефоном, картина ещё та, ведь на мне лишь мужская рубашка и совершенно голое тело.

О да, ты не растерялся, увидев это зрелище не для слабонервных, прокрутив в голове: «опоздаю немного, подождут». Направился в мою сторону достаточно быстро, чтоб я не успела ничего сделать, как будто ночи на хватило. И вот уже сантиметры разделяют нас, стоишь позади меня, я чувствую, как ты дышишь, я не могу сдвинуться с места. Уверенно, ты делаешь шаг. шепча в ухо: «Люблю… Слышишь, люблю… Ты не уйдешь…» Я закрываю глаза. Любовь со связанным сердцем. Когда нет пути назад или вперед. Есть только место, на котором стоишь и не можешь двинуться. Внутри все замерло меня, ты, повернув лицом к себе, целуешь нежно. Уходишь. А я пытаясь вспомнить вчерашний вечер, но в голове какие-то отрывки, фрагменты бурной ночи.

Я пришла к тебе на ужин, помню кушала, а дальше? Так напряги память ещё, помню целоваться я полезла, это была не я совсем, или никакая, но я, что мной движило? Потом я помню смутно, так что же было дальше, я помню хотели оба, и тут началось поцелуи, и ты просто обезумел, хотя мне это нравится. Сдирая с меня платье, ты слышишь звуки рвущихся ниток на швах... Кинув мою нежную плоть на кровать, ты наслаждаешься моим испуганным, но в то же время страждущим стоном... Пристально смотря на меня, холодным взгля-

дом, расстёгивая ремень, затем молнию, спуская с себя тёртый Джинс... Сняв, вытащив ремень, ты подкрадываешься ко мне, шлепнув ремнём о свою ладонь... Я дернулась от звука шлепка, покрывшись судорожной мурашкой...

Ты, протянув ко мне руку, сказал - Всё хорошо, не бойся...

Я - испуганно, но доверчиво, взяла твою ладонь... Подняв меня за руку: наслаждаясь каждым моим вздохом; провёл пальцем, по сочным губам, которым многое предстоит пережить в эту ночь; после чего повернул к себе спиной, чувствуя мое возбуждение, сквозь страх... Я, упав на кровать повернула голову... Увидев твой холодный взгляд, прикусила нижнюю губу, слегка приподнимая брови и ожидая непознанного. Мои глаза, просят у тебя - милосердия, на которое я надеюсь меньше всего... Развернув меня спиной к себе входишь в меня, держа за волосы, внутри все кипит и бурлит, сердцебиение зашкаливает от этой безумной страсти, я не хочу, чтоб ты останавливался, и даже умолять не стану, твой запах одеколона сводит с ума.

Куда мне теперь деться, куча вопросов в голове, так соберись. Но эта ночь была на столько безумна что мне просто стыдно смотреть в глаза, но это было так, смешанные чувства переполняют меня. Догнать тебя? Позвонить? Что обычно делают в таких ситуациях?

Нет тебе напрочь снесло башню, думай думай, сначала наверно лучше собраться, и уйти, и тут сообщение от тебя: «вечером приеду, идем в кино, отказы не принимаются, в семь

заеду, будь готова».

Капец — вот это влипла, хотела по тихой свалить, а теперь уже и в киношку собралась, не ну мило конечно, так где твои мозги? Надо же ответить что-то?

Итак, набираю сообщение: «окей, буду готова в семь. » Зачем этот смайл поставила? Вот дура сейчас подумает, чего ни будь лишнего, нет определено. Но подожди мы идем вечером в кино, а мне совершенно нечего надеть, такс без паники, думай думай.

Судорожно ищу в телефоне номер Лекси, это та самая подруга, которая выручит в любой ситуации казалась бы нет ничего не возможного для нее, найдётся даже единорог под кроватью. Я набираю сообщение: «Лекси привет, мне нужна твоя помощь, срочно позвони». Не прошло и пяти минут как за полошенная Лекси звонит... Итак, мне нужна твоя одежда, звучит как из фильма про терминатор, а также май кап, желательно платье легкое и обувь на каблуке, адрес скину сообщением. У тебя пара часов .

Не прошло и пары часов как на пороге передо мной стояла та самая, подруга которая выручит в любой ситуации, но есть одно, но, без рассказа, как так получилось, и я оказалась в мужской одежде не получится. Через чур уж любопытная. Собираясь от душа до обуви, или как там еще от бинта до ваты , хочется конечно произвести впечатление, и в этом помогает мне Лекси, закончив преображение к шести часам, у меня ещё есть время переодеться.

Проводив подругу, я начинаю подбирать образ. На мне легкое летнее платье из шифона, белого цвета с рисунком каких-то цветов , бежевые босоножки на каблуке с переплетением замка на щиколотке, сумка в тон обуви. На голове легкий образ, локоны,собранные двумя жгутиками на затылке. Ну вроде все я готова, время пол седьмого, и я безумно нервничаю, от ситуации что происходит. Никогда бы не подумала, что решусь на такой шаг, прийти на свидание с продолжением .

Звонок в дверь, открываю и передо мной стоишь ты, я замираю на момент, смотрю в глаза, вижу губы что-то говоришь, я в такой прострации что ничего не слышу, но пытаюсь уловить смысл, и тут приходит осознание, потом звук: «ты готова»?

- Да, отвечаю я, как будто по мне не видно, я ж не стою как утром без трусов перед тобой никакой логики, она просто напрочь отсутствует.

Ты позаботился за ранее, место шикарное, сидим в зале в ожидании чуда, пошли титры,что мы смотрели я смутно помню, в голове столько мыслей, ты рядом, безупречен как всегда, смотрю и думаю, что ты нашел во мне? Так опять тараканы разбушевались ….

Закончив фильм смотреть, выходим из зала. Я машинально иду в след тебе к машине, сажусь, и вот я снова рядом на столько что сейчас бы просто безумно поцеловала и не отрывалась от твоих губ. Нервничаю, прям не хватает воз-

духа, прошу остановить машину,не плохая набережная в самый раз, выхожу и иду к воде.

Ты, следом не понимая, что происходит, пытаясь выяснить в порядке ли я? А я в порядке? Сомневаюсь. Решив пройтись вдоль берега, ты находишься рядом, смотрю томно в сторону и молчу, но глаза думаю уже давно все сказали за меня, девочка да ты ж влюбилась.

Взяв за руку, повернул к себе лицом, и тут я понимаю, что сейчас что-то будет …. Смотрю в твои глаза, они как бездна в которых хочется утонуть, да так чтоб без права на ошибку. Губы сами потянулись поцеловать тебя, но ты не против ответил на поцелуй, не знаю сколько это длилось по времени, но кажется в этот момент просто остановилось время).

Машина плавно тронулась, но я всё ещё не могла прийти в себя. В голове крутилось: «Это что, теперь мы пара? Или это просто один безумный вечер, который завтра станет неловким воспоминанием?» Я покосилась на него: сидит, одной рукой держит руль, лицо спокойное, будто только что не целовал меня так, что у меня земля из-под ног ушла

. — Ты чего молчишь? — не выдержал он, коротко глянув на меня.

— Опять тараканов гоняешь? Я фыркнула, пытаясь спрятать улыбку.

— Да так… Думаю, как завтра буду объяснять Лекси, что всё было не так драматично, как я ей по телефону кричала. Он усмехнулся.

— А что ты ей кричала?

— Что я влипла. Что мне нечего надеть. Что я вообще не понимаю, что делаю.

— И что из этого было неправдой? Я толкнула его в плечо, но вышло скорее нежно, чем сердито.

— Всё было правдой! Просто… я не привыкла к тому, что всё идёт не по плану. У меня обычно список: утро — кофе, день — дела, вечер — сериал. А тут: утро — чужая рубашка, вечер — набережная, поцелуй, и я не знаю, куда это ведёт.

Он снова посмотрел на меня, и в этом взгляде было что-то такое, от чего внутри всё поджималось и одновременно расправлялось, как будто кто-то развязал тугой узел. — Может, не надо никуда вести? — тихо сказал он. — Может, просто пусть будет. Сегодня — набережная. Завтра — опять кофе. Или снова сериал. Или вообще ничего. Просто ты и я, без списков.

Я хотела ответить что-то остроумное, что-то в духе «ну уж нет, я люблю списки», но слова застряли. Потому что вдруг поняла: мне действительно хотелось этого «просто пусть будет». Без анализа, без выводов, без попыток разложить всё по полочкам. Машина остановилась у моего подъезда. Я потянулась к ручке, но он мягко коснулся моего запястья.

— Подожди. Я замерла, глядя на его пальцы на моей коже. «— Я не буду ничего обещать», — сказал он, будто читая мои мысли. — Не буду говорить «всё будет хорошо» или «это навсегда». Но я хочу увидеть тебя завтра. И послезавтра. И

когда ты опять будешь гонять своих тараканов. Я улыбнулась, чувствуя, как внутри разливается тепло, смешанное с волнением.

— Ладно. Но завтра без драм. Обещаю. Максимум — одна паническая атака из-за того, что не найду носки в тон платью. Он рассмеялся, и этот звук был таким настоящим, таким живым, что я вдруг поняла: да, это точно не сон.

— Договорились. Без драм. Только носки.

Я выскользнула из машины, уже на ступеньках обернулась. Он всё ещё сидел, смотрел на меня, будто хотел запомнить этот момент. Я помахала, чувствуя, как глупо и счастливо улыбается лицо. Поднимаясь по лестнице, я достала телефон, чтобы написать Лекси: «Всё хорошо. Свидание прошло. И, кажется, я не влипла. Кажется, я только начала вляпаться — и мне это нравится».

Утро выдалось серым и липким, будто город специально подгадал погоду под моё настроение. Я стояла у окна с кружкой остывшего чая и думала: «А вдруг он просто из вежливости сказал, что хочет видеть меня снова? Вдруг это такой мужской кодекс: не оставлять девушку в панике, даже если внутри уже всё решено — дальше не надо». В голове всплыл голос бывшего — тот самый, с интонацией «ты всё усложняешь»: «Ты вечно ищешь подвох там, где его нет». И я тут же себя одёрнула: «Не смей равнять. Это не то же самое». Но червячок сомнения уже грыз.

Телефон пискнул. Сообщение: «Кофе? Я знаю одну ко-

фейню, где капучино похож на произведение искусства». Я уставилась на экран, как на загадку. Почему нельзя просто «привет, как дела»? Почему сразу «произведение искусства»? Это романтично или слишком? А если он пытается сгладить неловкость? Или наоборот — хочет показать, что всё серьёзно?

«Ок, давай в 12», — написала я, а потом три раза стёрла и переписала. В итоге отправила просто точку. Потом ещё одно сообщение: «Прости, точка вышла случайно. Я в порядке. В 12 ок». Потом ещё: «То есть не то чтобы я была не в порядке, просто… ладно, забудь. В 12». И тут он ответил не текстом, а голосом. Короткое аудио: «Не надо быть в порядке. Можно быть запутавшейся. Я приеду и просто посижу с тобой. И мы будем пить кофе, даже если ты будешь молчать. Или если будешь говорить про носки. Про что угодно».

Голос у него был спокойный, без давления, и от этого внутри что-то расслабилось. Когда он зашёл в кофейню, я поймала себя на том, что сижу, сжав пальцы в кулаки под столом. Он улыбнулся, сел напротив, не тянулся сразу взять за руку — просто посмотрел и сказал: — Ты опять гоняешь тараканов?

— Ага, — призналась я, чувствуя, как щёки горят. — У меня это как фоновый режим. — Тогда давай его выключим на час. Просто кофе. Просто я и ты. Без выводов. И мы говорили про ерунду: про то, что в городе стало слишком много самокатов, про странный вкус у ванильного сиропа, про

фильм, который он смотрел в детстве и до сих пор не может забыть. И постепенно кулаки разжались, а мысли перестали прыгать с «а вдруг» на «а если». Он не пытался меня переубедить, не говорил «не переживай», просто был рядом, спокойный и настоящий. И в какой-то момент я поняла: доверие — это не когда ты сразу веришь, а когда тебе дают право сомневаться, и всё равно остаются.

— Знаешь, — сказала я, глядя в чашку, — я привыкла, что, если есть неловкость, её надо срочно чем-то заполнить. Шутить, болтать, делать вид, что всё легко. А с тобой можно просто… не быть идеальной.

Он чуть наклонил голову, будто услышал что-то важное, и тихо ответил: — Я и не хочу идеальную. Я хочу тебя. Даже с тараканами. Особенно с ними — они делают тебя живой.

Я улыбнулась, и на этот раз улыбка не была попыткой спрятать неловкость. Она была настоящей. Как только он ушёл, я рухнула на диван и написала Лекси: «Срочно. Нужна консультация. Он позвал на кофе. Что надеть? Что говорить? Что вообще делают люди на таких свиданиях?» Ответ пришёл мгновенно: «Надень то, в чём не стыдно случайно уронить пирожное на колени. И говори правду. Ну, или почти правду. Главное — не начинай с фразы у меня сложный характер». Я застонала. Лекси всегда знала, как приземлить мои драмы. В кофейне я умудрилась запутаться в собственном шарфе так, что первые три минуты знакомства с официантом выглядели как попытка исполнить танец с реквизи-

том. Когда наконец села, выдохнула и сказала: — Прости. Это не я такая. Это шарф. У него свои планы на мою жизнь.

Он улыбнулся, будто это было самое очаровательное, что он слышал за день: — Шарф-манипулятор. Опасная штука. Давай я его нейтрализую. И аккуратно помог снять, а я в этот момент думала: «Боже, только не красней. Не красней. Ты взрослая женщина, ты умеешь снимать шарфы». Но щёки, конечно, пылали.

Мы заказали кофе, и тут выяснилось, что я из тех людей, которые, нервничая, начинают говорить слишком много и слишком быстро.

— Так вот, я люблю кофе, но не люблю слишком горький, поэтому всегда прошу меньше экспрессо, но больше молока, и ещё ванильный сироп, но только не переслащённый, потому что тогда это уже не кофе, а десерт, а десерты я люблю отдельно, особенно чизкейк, но не слишком влажный, и…

Он поднял руку, как сдаётся, но с улыбкой: — Стоп. Я понял. Ты — человек с системой. И это мило.

— Это не мило, это тревожность, — пробурчала я.

— А я люблю тревожных. Они всегда знают, чего хотят. В отличие от меня. Я обычно заказываю наугад и надеюсь на лучшее. Потом мы смеялись над тем, как я пыталась поймать падающую ложечку и чуть не смахнула весь стол. Он не делал вид, что не заметил, — он смеялся вместе со мной. И от этого неловкость перестала быть тяжёлой, она стала лёгкой, как мыльный пузырь: лопнула и рассыпалась искрами.

На прощание он сказал: — Давай в следующий раз без шарфа? Или хотя бы с тем, который не пытается тебя похитить.

— Договорились. Или я его оставлю дома в качестве заложника. Пусть знает, кто тут главный.

Дома я снова написала Лекси: «Свидание прошло. Я запуталась в шарфе. Он смеялся. Я тоже. Кажется, это успех». Лекси ответила: «Это не успех. Это любовь. Ну, или как минимум очень хороший кофе». утро, я в панике мечусь по квартире, пытаясь собрать «идеальный образ», а Лекси спокойно сидит на табуретке, хрустит яблоком и комментирует: «Ты сейчас похожа на белку, которую кто-то напугал будильником. Сядь. Пять минут. И без паники: если он не оценит тебя в пижаме с котиками, то он вообще не твой человек».

Я плюхнулась на стул, схватила первую попавшуюся футболку — и тут же швырнула обратно: на ней красовалось жирное пятно, подозрительно напоминающее вчерашний соус от шаурмы.

— Лекси, я не могу! У меня всё не то! То слишком просто, то слишком вычурно, то вообще пахнет котом!

Лекси приподняла бровь: — Кот тут ни при чём. Это ты вчера на него упала, когда пыталась достать ту самую «очень нужную» книгу с верхней полки.

— Не напоминай! Я тогда ещё и полку уронила.

— Ага. И три кружки. И кактус. И, по-моему, кота.

Я застонала и зарылась лицом в ладони. — Может, вооб-

ще не идти? Скажу, что заболела. Или что меня похитили инопланетяне. Или что я внезапно уехала спасать мир. Что угодно, лишь бы не стоять перед ним и не думать: «А вдруг я слишком много болтаю? А вдруг слишком мало? А вдруг у меня пятно на футболке, а я его не вижу?» Лекси отложила яблоко, встала, подошла ко мне и твёрдо сказала: — Слушай. Если он после той истории с шарфом и падающей ложечкой всё ещё зовёт тебя на свидание — значит, он либо святой, либо реально в тебя втюрился. Так что хватит себя хоронить. Давай выберем что-то простое. Джинсы, футболка, сверху пиджак, который ты купила «на случай, если стану директором», но так ни разу и не надела. — Но это же скучно! — Это стильно. И в нём ты не запутаешься в рукавах, пытаясь эффектно выйти из такси.

В итоге я выбрала джинсы, футболку (без пятен, ура!) и тот самый «директорский» пиджак. Лекси добавила к образу массивные серьги и сказала: — Вот. Теперь ты не «девушка, которая нервничает», а «девушка, у которой есть стиль и лёгкая драматургия в жизни».

Я посмотрела на себя в зеркало и вздохнула: — Ладно. По крайней мере, в этом я точно не упаду.

— Держи. На всякий случай. Лекси протянула мне маленький пакетик.

— Что это?

— Влажная салфетка. Для экстренных случаев. Например, если прольёшь кофе на пиджак. Или если он скажет что-

то настолько милое, что ты начнёшь плакать от умиления.

— Ты думаешь, я буду плакать?

— Я думаю, ты будешь делать всё. И плакать, и смеяться, и ронять вещи. И это нормально. Мы вышли на улицу, и тут началось.

Сначала ветер попытался унести мою причёску. Потом голубь, видимо, решил, что моя сумка — это его личный почтовый ящик, и сел прямо на неё. А потом, когда я уже почти дошла до кафе, каблук застрял в решётке ливневой канализации.

— Ну конечно, — пробормотала я, дёргая ногу. — Потому что чего ещё не хватало для полного счастья? Из-за угла показался он. Увидел меня, завис на секунду, потом быстро подошёл.

— Всё в порядке?

— Да! То есть нет. То есть… каблук застрял. И голубь. И ветер. И вообще, день начался так, будто кто-то включил режим «максимально неловко».

Он улыбнулся, присел, аккуратно вытащил каблук и сказал: — Знаешь, мне кажется, если бы ты пришла идеально собранной, с укладкой, как у модели, я бы, наверное, испугался. А так… сразу понятно: ты настоящая.

— Настоящая и застрявшая в решётке.

— Именно.

Мы зашли в кафе, и я, конечно, тут же задела локтем поднос у официанта. Чашки звякнули, но не упали — чудом.

— Прости! Прости, пожалуйста! Я не специально!

Официант только вздохнул и пробормотал: — У нас сегодня уже двое таких. Один пытался открыть дверь ногой, другой уронил меню в суп. Так что ты в хорошей компании.

Я покраснела до ушей, а он тихо сказал: — Не переживай. Зато теперь у нас есть общая история. «Тот день, когда она спасла поднос от катастрофы».

— Скорее тот день, когда я чуть не устроила катастрофу.

— Но не устроила. Значит, победа. Мы сели, заказали кофе, и тут я вдруг поняла, что впервые за всё это время не пытаюсь судорожно подбирать слова. Просто сидела, смотрела, как он улыбается, и думала: «Ладно. Пусть будет неловко. Пусть будет смешно. Пусть будет как есть. Главное — не одна».

А потом он достал из кармана маленькую коробочку. — Это тебе. Не то чтобы что-то серьёзное… просто увидел и подумал о тебе. Внутри лежал брелок в виде крошечного кота в очках.

«— Он выглядит умным», — сказал он с улыбкой.

— И немного растерянным, — добавила я, смеясь. — Прямо как я сегодня.

— Значит, идеально подходит.

Я покрутила брелок в пальцах, чувствуя, как внутри разливается тепло, и вдруг поняла: да, я всё ещё могу споткнуться, запутаться в шарфе и уронить поднос. Но теперь рядом есть кто-то, кто не будет смотреть на это с осуждени-

ем. Кто просто улыбнётся и скажет: «Ничего страшного. Мы справимся». Телефон пискнул. Сообщение от Лекси: «Ну как там? Не упала? Не сбежала? Не устроила международный конфликт?» Я быстро напечатала: «Не упала. Почти не сбежала. Международный конфликт на паузе. Зато у меня теперь есть кот в очках». Лекси ответила: «Это прогресс. Держи кота. И не забывай: неловкость — это тоже часть романтики. Главное, чтобы он не думал, что ты специально всё роняешь, чтобы привлечь внимание». «Я не специально!» — написала я. «Верю. Но если вдруг захочешь сделать это специально — дай знать. Я подскажу, как превратить это в искусство». Я рассмеялась, спрятала телефон и подняла глаза.

Он смотрел на меня и улыбался. — О чём смеёшься?

— Да так. Лекси. Она всегда знает, как всё перевернуть с ног на голову и сделать так, что даже падение в решётку кажется приключением.

— Мне нравится твоя компания. И твоя подруга.

И даже твой слегка драматичный день. И в этот момент я вдруг перестала бояться, что что-то пойдёт не так. Потому что даже если пойдёт — рядом будет тот, кто просто скажет: «Ничего. Мы вместе».

Мы шли по улице, болтали про всякую ерунду, и вдруг я резко тормознула: — Смотри, афиша! «Мастер-класс по аргентинскому танго: почувствуй страсть в каждом шаге!» И сегодня. Прямо сейчас.

Он покосился на афишу, потом на меня: — Ты хочешь?

— Я? Нет. То есть… ну, посмотреть можно. Пять минут. Чисто из антропологического интереса: как люди вообще умудряются делать эти резкие повороты и не падать.

И вот мы уже внутри. Просто посмотреть, честно. Но инструктор — энергичный мужчина в чёрном с идеально уложенными волосами — сразу выцепил нас взглядом: — О, ещё двое! Отлично! Нам как раз не хватало пары для демонстрации. Вы с девушкой? Заходите, не стесняйтесь! Сейчас покажу базовый шаг, а вы повторите!

Я вцепилась в локоть своего спутника: — Мы просто посмотреть. Мы не танцуем. Я даже вальс путаю с полькой.

Но инструктор уже тянул нас в центр зала: — Всё, всё, сейчас разберёмся. Главное — контакт. Взгляд. Осанка. И чтобы партнёр чувствовал, куда вы идёте…даже если вы сами не знаете. Через три минуты я поняла: я не просто не знаю, куда иду — я не знаю, где у меня ноги.

Инструктор щёлкнул пальцами: — Раз-два-три, раз-два-три! Шаг вперёд, поворот, пауза! Чувствуйте музыку!

Музыка гремела, все вокруг двигались с такой грацией, будто родились в танго, а я… я сделала шаг, споткнулась о собственную ногу, чудом не рухнула, схватилась за плечо партнёра и выдохнула: — Прости. Это не я. Это гравитация. Она сегодня против меня.

Он, к его чести, даже не поморщился. Только крепче придержал и тихо сказал: — Дыши. Просто шагай. Туда, куда я тебя веду. Даже если это не туда.

— А если я наступлю тебе на ногу?

— Тогда я скажу «ой». Но не уйду.

Мы снова попытались. Раз-два-три. Я шагнула, он повернул меня, я слишком резко дёрнулась, и мы врезались в соседнюю пару. Те покачнулись, но устояли. Женщина посмотрела на меня с таким терпеливым сочувствием, будто я была щенком, который впервые пытается ходить.

— Простите, — пробормотала я. — Я не специально.

Инструктор, заметив катастрофу, подошёл: — Так, давайте чуть проще. Вы, молодой человек, ведите уверенно. А вы, девушка, доверьтесь. Не думайте. Просто следуйте. Я закрыла глаза на секунду, чтобы не видеть, как все на нас смотрят, и сказала: — Ладно. Веди. Но если я кого-то сшибу — это твоя вина.

Ты слишком уверенно поворачивал. Он хмыкнул: — Принято. Вся ответственность на мне.

И тут случилось чудо: на один короткий такт я вдруг перестала паниковать. Шаг, поворот, лёгкая пауза. Он смотрел мне в глаза, не отводил взгляд, и от этого становилось спокойнее. Даже музыка вдруг показалась не такой пугающей. А потом я открыла рот.

— Знаешь, а это почти как наши свидания, — выдала я посреди танца. — Тоже шаг вперёд, поворот, попытка не упасть, и всё время думаешь: «А вдруг я делаю что-то не так?»

Он чуть не сбился с ритма, но удержался и ответил: —

Только на свиданиях никто не требует держать осанку. — Зато там требуют держать лицо. А это сложнее. Кто-то из группы хихикнул.

Инструктор сделал вид, что не слышал, но уголки его губ дрогнули. В финале композиции все должны были сделать эффектный поворот и закончить в красивой позе. Я, конечно, всё перепутала: вместо поворота пошла вперёд, вместо паузы наступила ему на носок, а вместо изящного наклона головы чуть не уткнулась ему в плечо. Но он не дал мне упасть — ловко подхватил, развернул и в последний момент поставил так, что со стороны могло показаться, будто это был задуманный элемент. Зал зааплодировал.

Не нам, конечно, а вообще всем, но я всё равно расправила плечи и сказала: — Видишь? Почти получилось.

— Почти — это уже прогресс.

На выходе из зала я достала телефон и написала Лекси: «Мы были на мастер-классе по танго. Я никого не убила. Один раз чуть не уронила партнёра, но он оказался профессионалом и сделал вид, что так и задумано. Думаю, это можно считать свиданием с элементами экстрима». Лекси ответила мгновенно: «Это не свидание. Это квест. Уровень: Не опозорься при свидетелях. Ты прошла. Награда: кот в очках и право гордиться собой».

Я улыбнулась, спрятала телефон и посмотрела на него: — В следующий раз предлагаю что-нибудь попроще. Например, настольные игры. Там хотя бы не надо никуда шагать.

— Или боулинг. Там можно ронять шары — это даже часть игры.

— Точно. И если я промахнусь, это будет не драма, а статистика.

Он взял меня за руку, и мы пошли дальше по улице, уже не торопясь. И мне вдруг стало легко от того, что мы оба знаем: я могу спотыкаться, путаться в шагах и говорить глупости, а он всё равно будет рядом, улыбаться и говорить: «Ничего. Мы справимся».

Мы завалились к Лекси — я всё ещё дрожала от пережитого танго-позора, а он держался так, будто только что не спасал меня от падения три раза подряд. Лекси разлила по кружкам какао, торжественно поставила тарелку с печеньем и заявила: — Всё, я официально фиксирую: у вас начался золотой период отношений.

Я вытаращилась: — Золотой? Это когда я врезаюсь в людей и путаю ноги с руками? — Именно! — Лекси подняла палец, как лектор на кафедре. — Слушай мою теорию: лучшие отношения всегда начинаются с какой-нибудь нелепой ситуации. Это как обряд посвящения. Если вы пережили совместный стыд и не разбежались — значит, всё серьёзно.

Он хмыкнул, взял печенье и спокойно сказал: — То есть если я сейчас уроню это на ковёр, это будет считаться укреплением связи?

— Ещё как! — воодушевлённо подхватила Лекси. — Это будет вклад в фундамент. Крошки — это цемент.

Я застонала: — Ты серьёзно?

— Абсолютно. Смотри: классика жанра — опоздать на свидание и перепутать кафе. Романтика. Вариант два — пролить кофе на рубашку партнёра. Интимность. Вариант три — застрять каблуком в решётке. Это уже драма с элементами экшена. А у вас танго! Это вообще высший пилотаж: вы одновременно пытались выглядеть круто и не упасть. Двойная нагрузка. Вы прошли испытание.

— Испытание, после которого хочется просто лечь и не шевелиться, — буркнула я. Он улыбнулся, пододвинул ко мне тарелку: — Зато теперь мы можем честно сказать: «Мы танцевали танго». Даже если никто не поверит.

Лекси наклонилась вперёд, понизив голос до заговорщицкого шёпота: — А знаешь, что самое крутое? В этих неловких моментах люди показывают себя настоящих. Без фильтров. Ты не можешь притворяться грациозной, когда падаешь. Ты просто есть. И если партнёр после этого не сбегает, а помогает подняться — значит, он твой.

Я покосилась на него. Он спокойно жевал печенье, будто не слышал всей этой философии, но в уголках глаз пряталась улыбка.

«— Ладно, допустим», — сказала я. — Но я всё равно не хочу больше никаких «обрядов посвящения». Хватит с меня драмы. Хочу что-то спокойное. Чай. Кино. Может, даже просто сидеть и смотреть, как дождь стучит по окну.

— Спокойное — это скучно, — возразила Лекси. — Спо-

койное — это когда вы уже двадцать лет вместе испорите, кто забыл купить хлеб. А сейчас у вас фаза «приключения на ровном месте». Наслаждайтесь!

Он вдруг тихо сказал: — Знаешь, мне не кажется это скучным. Ну, то, что ты падаешь. Или путаешь шаги. Или говоришь посреди танца про свидания. Мне кажется… что это самое живое, что бывает.

Я почувствовала, как внутри что-то тихо и тепло расправляется, будто узел, который долго был затянут, наконец ослаб.

— Спасибо, что не сбежал, — тихо сказала я.

— Я думал об этом. Но потом решил: если я сбегу, кто будет ловить, когда ты опять споткнёшься?

Лекси хлопнула в ладоши: — Вот! Слышишь? Это и есть романтика. Не розы и серенады, а «я буду ловить, когда ты споткнёшься».

Я фыркнула, но улыбнулась: — Ладно. Пусть будет так. Только давай без новых «обрядов». Хотя бы до выходных.

— Договорились, — кивнул он. — До выходных никаких танцев. Разве что… если очень попросишь.

Лекси захихикала: — Ага. «Очень попросишь» — это когда ты снова застрянешь каблуком, и у тебя не останется выбора.

Мы рассмеялись, и этот смех был лёгкий, без напряжения. Как будто все неловкости, которые случились за день, вдруг перестали быть стыдными и стали нашими маленькими ис-

ториями — теми, которые потом вспоминаешь и улыбаешься.

А вечером, когда он провожал меня до подъезда, я вдруг сказала: — Знаешь, Лекси права. Наверное, из этих нелепых моментов и складывается что-то настоящее.

Он кивнул, засунув руки в карманы, и спокойно ответил: — Наверное. Главное, чтобы рядом был кто-то, кто не будет делать вид, что ничего не случилось. Кто просто скажет: «Ничего. Давай дальше».

Я улыбнулась и кивнула. — Давай дальше. Только без танго. Пожалуйста.

— Без танго, — пообещал он с лёгкой улыбкой. — Но, если вдруг… я готов ловить.

Я решила, что романтика — это не только танцы и кино. Романтика — это когда ты стараешься.

И вот я стояла на кухне, смотрела на сковородку и мысленно составляла речь: «Смотри, я приготовила. Специально. Для тебя. Это не просто яичница — это символ моих чувств». План был безупречный: лёгкий завтрак, свечи (но только не на кухне — пожарные нормы важнее романтики), красивая тарелка, может, даже веточка какой-нибудь зелени, чтобы выглядело как в ресторане. Я открыла холодильник, вытащила яйца, масло, помидоры, сыр… и поняла, что понятия не имею, как из этого сделать «романтику». Нашла в телефоне рецепт «яичница по-французски с травами и сливочным маслом». Звучало дорого и изысканно. Я торжественно

растопила масло, разбила яйца… и тут масло начало шипеть, брызгаться и вести себя так, будто его лично чем-то обидели.

— Спокойно, — шептала я себе. — Это просто химия. Это не заговор против моей романтики. Но химия явно была на стороне хаоса.

Я попыталась аккуратно перевернуть яйцо, чтобы желток остался нежным, как в рецепте, но лопатка предательски соскользнула, желток лопнул и растёкся по сковороде, как признание в чувствах, которое ты хотел сохранить в тайне.

— Ну ладно, — пробормотала я. — Пусть будет не по-французски, а, по-моему.Я кинула сверху помидоры, посыпала сыром, добавила трав, зажгла одну-единственную свечу (на подставке, строго по технике безопасности) и поставила тарелку на стол. Получилось… пёстро. И немного дымилось. В этот момент он зашёл, остановился в дверях, посмотрел на стол, на меня, на дымящуюся яичницу, и на его лице не появилось ни намёка на панику. Просто лёгкая улыбка.

«— Пахнет… активно», — сказал он, присаживаясь.

— Это не «активно», — возмутилась я. — Это аромат страсти и заботы!

Он взял вилку, аккуратно подцепил кусочек, попробовал, медленно кивнул, будто дегустирует блюдо в мишленовском ресторане, и сказал: — Знаешь, это лучшая яичница, которую я ел.

Я прищурилась: — Ты же её только что попробовал. И, честно, она немного подгорела с краю.

— Значит, с краю — самая ценная часть. Там характер.

Я села напротив, подпёрла голову рукой и вздохнула: — Я хотела сделать красиво. А получилось…, как всегда.

— Красиво — это когда кто-то старается ради тебя. Даже если желток не выдержал.

И он спокойно доел. Не морщился, не прятал кусочки под помидоры, не делал вид, что наелся хлебом. Просто ели говорил про что-то обычное: про то, что утро сегодня тихое, про то, как город просыпается, про то, что в воздухе пахнет осенью. И от этого неловкость потихоньку таяла, как масло на сковороде.

Когда он доел, отодвинул тарелку и сказал: — Спасибо. Это было вкусно. И очень… по-домашнему.

Я улыбнулась, чувствуя, как внутри становится тепло, не от сковороды, а от чего-то другого. — В следующий раз сделаю что-нибудь попроще. Тост. Или просто кофе.

— А можно и то, и другое. И без драмы.

— Без драмы, — повторила я, кивая. — Только тост и кофе. И чтобы никто не пытался быть шеф-поваром.

Он встал, подошёл, обнял меня сзади, уткнулся подбородком в моё плечо и тихо сказал: — Знаешь, мне не нужен шеф-повар. Мне нужна ты. Даже с подгоревшей яичницей.

Я рассмеялась, уткнулась лбом ему в плечо и пробормотала: — Ладно. Но больше никаких «французских» рецептов. Только самое простое.

— Договорились. Самое простое — самое настоящее.

А потом, конечно, позвонила Лекси. — Ну как там твоя романтическая трапеза? Всё прошло идеально?

— Идеально, — сказала я, глядя на пустую тарелку. — Если считать идеалом ситуацию, когда желток сбежал, а парень всё равно съел всё до крошки и сказал, что это шедевр.

Лекси хохотнула: — Вот! Я же говорила: лучшие моменты — те, где ты не идеальна, а тебя всё равно выбирают. Запиши это на салфетке и повесь на холодильник.

— На холодильнике уже висит список продуктов. И напоминание не включать духовку на максимум.

— Тем лучше. Значит, у тебя есть система. А система — это тоже романтика. Для тех, кто понимает.

Мы ещё посмеялись, и я положила трубку, чувствуя, что день, начавшийся с подгоревшей яичницы, вдруг стал каким-то правильным. Не блестящим, не идеальным, но своим. А он в это время мыл тарелку, будто это самое естественное дело на свете, и улыбался своим мыслям. И я поняла: романтика — это не про безупречность. Это про то, что ты можешь спалить завтрак, а человек рядом всё равно скажет: «Спасибо, было вкусно».

Солнце уже садилось, и город будто сбросил дневную спешку — стал мягче, тише, будто специально подстроился под этот вечер. Мы шли не торопясь, и даже мои вечно спешащие мысли вдруг замедлились. Не нужно было ничего доказывать, никого впечатлять. Просто шагать рядом и иногда поглядывать, как у него на волосах вспыхивают рыжие

отсветы заката.

— Знаешь, — тихо сказала я, пиная носком ботинка невидимый камешек, — мне нравится, когда день заканчивается вот так. Без драм. Без попыток сделать всё идеально. Просто… нормально. Он чуть улыбнулся, не останавливаясь, и протянул руку. Я вложила свою ладонь в его — тёплую, спокойную, будто в ней умещалась вся уверенность, которой мне так не хватало.

— Мне тоже. И знаешь, что ещё нравится? Что ты можешь спалить яичницу, запутаться в шарфе, врезаться в соседнюю пару в танго — и при этом всё равно быть самой настоящей. Никакой фальши.

Я фыркнула, но внутри всё сладко сжалось от этих слов. — Спасибо, что не делаешь вид, будто ничего не было.

— Зачем? Это же самое интересное. Твои неловкости — как маленькие маячки. По ним я понимаю, где ты.

Мы дошли до набережной, где днём я просила остановить машину, а теперь сама не хотела никуда спешить. Вода тихо шелестела, отражая последние полосы света, и казалось, что весь город замер вместе с нами. Он остановился, повернулся ко мне, чуть наклонил голову, будто хотел рассмотреть каждую деталь: как ветер трогает мои волосы, как я сжимаю пальцы, как стараюсь выглядеть спокойной, хотя сердце стучит где-то у самого горла.

— Ты сейчас опять гоняешь тараканов? — тихо спросил он.

— Ага. Пытаюсь понять, что сказать, чтобы не испортить момент.

— Не надо ничего говорить. Если не хочется.

И он не стал ждать, пока я найду правильные слова. Просто шагнул чуть ближе, провёл пальцами по моей щеке, убирая прядь, которая снова лезла в глаза, и наклонился. Поцелуй был не торопливым, не отчаянным, как в ту первую ночь. Он был бережным — будто он боялся спугнуть этот тихий вечер, будто хотел запомнить каждую секунду. И я вдруг поняла, что именно в этой нежности мне было больше всего нужно. Не буря, не страсть, которая сбивает с ног, а вот это: когда тебя держат так, будто ты — самое хрупкое и самое важное, что есть в мире.

Когда мы наконец отстранились, я прижалась лбом к его плечу, вдыхая запах его куртки, смешанный с запахом реки и прохладного воздуха.

— Знаешь, я думала, что романтика — это когда всё красиво. Свечи, лепестки роз, идеальные слова. А оказалось… романтика — это когда ты ешь подгоревшую яичницу и говоришь, что это шедевр. И когда держишь меня, даже если я снова запутаюсь в чём-нибудь.

Он тихо рассмеялся, обнял крепче и прошептал мне в волосы: — Тогда у нас с тобой самая настоящая романтика. Без фильтров.

Мы ещё долго стояли так, слушая, как город переходит от дня к ночи. Где-то далеко загудел трамвай, проехала маши-

на, но здесь, у воды, всё было тихо и правильно. Потом он взял меня за руку, и мы пошли дальше, уже не глядя на часы, не думая о том, что пора домой. Просто шли, и этого было достаточно. Иногда он останавливался, чтобы поправить мне шарф — тот самый, коварный, — и улыбался, будто это был самый важный жест на свете. А когда мы наконец подошли к моему подъезду, он не стал торопиться уходить. Просто стоял, смотрел на меня, и в его взгляде было столько тепла, что мне казалось, будто даже ноябрьский ветер вдруг стал мягче.

«— Я напишу завтра», — сказал он. — Или позвоню. Или просто зайду, если ты не против.

— Против? — я усмехнулась, пряча улыбку. — Да я, наверное, буду сидеть у окна и ждать, как кошка, которая делает вид, что ей всё равно, но на самом деле высматривает каждый шорох. Он рассмеялся, наклонился и снова поцеловал — на этот раз быстро, легко, будто ставил маленькую точку в конце хорошего дня.

— Тогда до завтра. И… спасибо за яичницу. Серьёзно.

Я стояла у двери, смотрела, как он уходит, и чувствовала, как внутри разливается что-то тихое и светлое. Не паника, не сомнения, а просто радость — от того, что день закончился вот так. Достав телефон, я быстро написала Лекси: «Вечер прошёл. Без катастроф. Зато с поцелуями. И он доел яичницу. Кажется, это и есть любовь». Лекси ответила почти сразу: «Я же говорила: лучшие отношения начинаются с нелепости. А продолжаются — вот так. Держи этого парня. И больше не

пытайся жарить французскую яичницу. Пусть будет просто твоя. С характером».

Я улыбнулась, спрятала телефон и пошла наверх, всё ещё чувствуя тепло его руки на своей. И впервые за долгое время мне не хотелось разбирать каждый момент, искать подвох или бояться, что всё рухнет. Хотелось просто запомнить: этот вечер, этот воздух, этот тихий смех, эти бережные поцелуи — и поверить, что иногда «просто» бывает самым красивым.

На следующее утро я проснулась с этой упрямой мыслью: «Сегодня я сделаю что-то идеальное. Но не сложное. Не рецепт из трёх страниц. Просто что-то тёплое». И пока собиралась, вдруг поймала себя на том, что смотрю на город внимательнее обычного — не сквозь экран телефона и не сквозь список «надо успеть», а по-настоящему. У автобусной остановки кто-то оставил в старом ящике три ромашки и один слегка помятый василёк — будто то-то начал собирать букет, а потом передумал. Чуть дальше, возле палисадника у аптеки, пробился сквозь асфальт маленький полевой цветок — скромный, но упрямый, как будто специально вырос, чтобы его заметили. А у булочной, прямо в щели между плитками, торчал стебелёк с крошечными белыми соцветиями. Я шла и собирала их, как кусочки какого-то тихого признания. Не охапку, не пышный букет, который потом неделю будет стоять и напоминать о себе тяжёлым запахом. А вот такой — лёгкий, почти случайный, будто город сам подсказывал:

«Вот, возьми. Это для него».

Когда он вышел из подъезда, я стояла, теребя стебельки, и чувствовала, как снова просыпаются мои любимые «тараканы»: «А вдруг это слишком просто? Вдруг он подумает, что я не старалась? Вдруг это вообще не букет, а пучок травы?» Он остановился, посмотрел сначала на меня, потом на эти цветы — и вдруг улыбнулся так, что все сомнения рассыпались, как сухие лепестки.

— Ты их собирала по дороге? — спросил он, и в голосе не было ни насмешки, ни неловкости — только что-то очень тёплое.

— Да. Ну, то есть… они сами как будто попадались. Ромашка у остановки, василёк в ящике, ещё этот маленький беленький… Я не хотела ничего сложного. Просто хотела подарить что-то настоящее.

Он взял букет, поднёс к лицу, будто в нём был какой-то особенный запах, и тихо сказал: — Знаешь, это самый красивый букет, который мне дарили. Потому что в нём нет «надо». В нём есть «хотела».

Я рассмеялась, пряча улыбку в воротник куртки: — Ну, если честно, я ещё боялась, что ты подумаешь, что я собираю цветы с клумб и меня сейчас оштрафуют.

— Тогда будем считать, что это спасательная операция. Ты спасла цветы, которые никто не замечал.

Мы пошли дальше, и он не стал прятать букет в карман или оставлять его где-то «до дома». Он нёс его так, будто это

что-то важное. А я шла рядом и думала: «Вот оно. Идеальное — это не когда всё безупречно. Идеальное — когда ты видишь мелочи и делаешь из них что-то своё».

А вечером я написала Лекси: «Я собрала ему букет из случайных цветов. И знаешь, он сказал, что это самый красивый. Не потому что цветы, а потому что я старалась по-своему». Лекси ответила: «Вот! Я же говорила: лучшая романтика — та, где ты не притворяешься. Где ты просто ты. С твоими ромашками, твоими неловкими шагами и твоим умением видеть красоту в мелочах. Держи это. И держи его».

Лекси ворвалась в чат с утра, как шторм в спокойное море: «Так. У нас миссия. Никакой драмы. Никаких сложных рецептов. Три пункта, и всё. Романтический челлендж из простых вещей. Потому что настоящая романтика прячется в мелочах». И прислала список:

1. Одна общая мелочь на день: что-то маленькое, что вы делаете вместе. Например, вместе купить кофе, вместе перейти улицу, вместе заметить что-то смешное.

2. Один честный момент: сказать что-то настоящее, без фильтров. Не «всё хорошо», а то, что правда на душе.

3. Один жест заботы: не дорогой, не сложный, а такой, который показывает: «я тебя вижу».

«Выполните — и я официально признаю, что у вас отношения уровня кино, но без спецэффектов», — написала она в конце.

Я показала список ему. Он прочитал, хмыкнул и сказал:

— Ладно. Принимаем вызов. Но без фанатизма.

Первым пунктом мы сделали самое простое: зашли в маленькую кофейню, где бариста знал его в лицо, и взяли один большой капучино на двоих — с двумя трубочками. Смешно, по-детски, но, когда мы сидели и по очереди делали по глотку, это вдруг стало чем-то особенным. Как будто мы делили не кофе, а тишину между словами.

— Знаешь, — сказала я, глядя, как на поверхности кофе танцуют пузырьки, — я раньше думала, что романтика — это когда всё громко. Когда фейерверки. А теперь понимаю, что она прячется вот в таких моментах. Когда просто сидишь, пьёшь кофе на двоих и не надо ничего объяснять.

Он улыбнулся, подвинул ко мне кружку: — Значит, мы прошли первый пункт.

Второй пункт — честный момент — вышел почти случайно. Мы шли по переулку, где тени ложились по-особенному, и я вдруг сказала: — Иногда мне до сих пор страшно. Что я опять что-то сделаю не так. Что споткнусь, скажу глупость, соберу букет из «случайных» цветов, а ты подумаешь: «Зачем мне это?» Он не стал говорить «не переживай» или «ты всё делаешь правильно».

Просто остановился, посмотрел мне в глаза и тихо ответил: — Я тоже боюсь. Что ты однажды поймёшь, что со мной можно проще, и перестанешь гонять своих тараканов, а мне будет некого ловить.

Я фыркнула, но внутри всё перевернулось от этих слов

— от того, что он не прятал свою уязвимость, а положил её рядом с моей, как будто, так и надо.

— То есть ты… специально ждёшь, когда я опять во что-нибудь вляпаюсь?

— Не специально. Но если вляпаешься — я буду рядом. И это было честнее любых клятв.

Третий пункт — жест заботы — он сделал так просто, что сначала я даже не поняла, что это и есть тот самый пункт. Мы шли мимо лотка с шарфами, и ветер снова пытался сорвать с меня капюшон. Он молча взял один лёгкий шарф — не роскошный, а простой, в мелкую клетку, — и накинул мне на плечи.

«— Тут дует», — сказал он, будто это самое обычное дело на свете.

А я стояла и чувствовала, как тепло расползается не от шарфа, а от того, что кто-то заметил, что мне холодно, и просто сделал так, чтобы стало теплее.

Вечером я написала Лекси: «Челлендж выполнен. Один кофе на двоих. Один честный разговор. Один шарф, который спасает от ветра. И знаешь… это было самое романтичное, что случалось за последнее время». Лекси прислала кучу эмодзи и написала: «Вот видишь! Настоящая романтика — это не про масштаб. Это про то, что ты видишь человека. И он видит тебя. Даже когда ты собираешь цветы с обочины и боишься, что это слишком просто. Держи этот момент. И не забывай: иногда самое идеальное — это то, что вообще

не планировалось».

Солнце уже не жарило, как в середине лета, а мягко грело, будто старалось напоследок обнять город перед тем, как всё затянет осенней серостью. Мы ехали за город — просто так, без плана, без списка «что обязательно увидеть». Он вёл машину, я сидела рядом, теребила край шарфа — того самого, клетчатого, который он накинул мне на плечи, когда ветер пытался сорвать капюшон.

— Знаешь, — сказала я, глядя, как мелькают за окном столбы и редкие дачи, — я раньше думала, что поездка загород должна быть с программой. Вот тут мы фотографируемся, тут едим бутерброды, тут смотрим на закат и глубокомысленно молчим. А сейчас мне кажется, что самое правильное — это когда ты просто едешь, и тебе нестыдно, что ты молчишь.

Он чуть улыбнулся, не отрывая взгляда от дороги: — А я раньше думал, что, если девушка молчит в машине — значит, что-то не так. Или я что-то сказал, или не то сказал, или вообще всё не то.

Я фыркнула: — Ну вот, а я молчу, потому что мне просто хорошо. И ещё потому, что боюсь, что, если начну болтать, то расскажу про все свои неловкие истории сразу, и ты подумаешь: «Да она вообще без тормозов».

— Уже не подумаю. Я видел танго. Я ел яичницу. Я пережил шарф, который живёт собственной жизнью. Меня теперь ничем не напугать.

Мы свернули с трассы на узкую дорогу, где асфальт будто сдался перед травой и теперь жил с ней в каком-то шатком перемирии. По бокам потянулись старые дачи, заборы, кое-где ещё висели на ветках яблоки, будто забыли, что уже пора падать.

— Давай тут остановимся, — предложила я, когда дорога вывела нас к небольшому полю, за которым темнел редкий лес.

Он заглушил мотор, и тишина накрыла нас так ощутимо, будто мы шагнули в другой мир — туда, где нет гудков, светофоров и срочных сообщений. Только ветер, шелест травы и далёкий крик какой-то птицы. Мы вышли, вдохнули этот особенный воздух — с запахом сухой травы, земли и чего-то бесконечно спокойного. Я сняла шарф, намотала его на руку, потом снова накинула — просто потому, что он пах им, этим его спокойствием.

— Тут как будто время идёт медленнее, — прошептала я, будто боялась спугнуть это чувство.

— Или мы просто наконец-то перестали спешить.

Мы пошли по тропинке, которая, казалось, никуда не вела, а просто существовала, чтобы по ней ходили. Я собирала сухие травинки, складывала их в ладошку, потом рассыпала — как будто пыталась удержать этот момент в чём-то материальном. Вдруг впереди мелькнуло что-то яркое. Под ногами, почти у самой тропинки, среди сухой травы, прятался крошечный букетик полевых цветов — не тех, что я собира-

ла по дороге в городе, а настоящих, диких: пара ромашек, какие-то синие звёздочки, тонкий стебелёк с мелкими белыми соцветиями.

Я присела, аккуратно сорвала их, встала и протянула ему:
— Держи. Это тебе. От природы. Без пафоса. Просто потому что они тут росли, и я подумала, что тебе будет приятно.

Он взял, посмотрел на эти скромные стебельки, будто в них была зашифрована какая-то важная тайна, и тихо сказал:
— Спасибо. Они как ты. Не пытаются казаться больше, чем есть. И от этого ещё красивее.

Мы дошли до опушки, где деревья стояли редко, и сквозь них пробивались косые лучи солнца. Он расстелил на траве куртку, мы сели, прислонившись спинами к старому пню. Я положила голову ему на плечо, он обнял меня одной рукой, и мы просто сидели, слушая, как шуршит ветер в листве и где-то далеко лает собака.

— Знаешь, что мне нравится больше всего? — тихо сказал он спустя какое-то время. — Что с тобой можно вот так. Без слов. И это не значит, что нам, нечего сказать. Просто иногда самое главное — это просто быть рядом.

Я улыбнулась, уткнувшись носом в его куртку: — И не бояться, что ты подумаешь, будто я слишком много молчу. Или слишком много болтаю. Или опять что-то уроню. — Я уже привык. И знаешь, даже жду этого. Потому что, когда ты что-то роняешь или путаешь слова — ты настоящая. А это самое редкое и самое ценное.

Солнце медленно опускалось, раскрашивая небо в тёплые оттенки, и казалось, что весь мир замер, чтобы дать нам эту минуту. Он чуть повернул голову, посмотрел на меня так, будто видел впервые, и провёл пальцем по моей щеке, убирая прядь, которую снова растрепал ветер. Поцелуй был тихим, почти осторожным, как будто он боялся спугнуть эту хрупкую тишину. Но в нём было столько тепла, столько принятия, что у меня внутри всё расправилось, как цветок, который наконец-то дождался солнца. Когда мы отстранились, я прижалась лбом к его плечу, чувствуя, как бьётся его сердце — ровно, спокойно, уверенно. И поняла, что вот это и есть романтика: не фейерверки и не идеальные букеты, а эти минуты, когда ты можешь быть собой, со всеми своими неловкими моментами, и тебя всё равно выбирают.

— Надо будет сюда ещё приехать, — тихо сказала я.

— Обязательно. Только в следующий раз возьмём термос с чаем и бутерброды. Чтобы не зависеть от случайной ромашки.

— И чтобы я опять ничего не сожгла.

Он рассмеялся, обнял крепче: — Мне и так хорошо. С тобой. Даже без бутербродов. Мы посидели ещё немного, пока солнце не спряталось за лесом, оставив после себя только розовую полоску на небе. Потом встали, отряхнули траву с одежды, и он снова накинул мне на плечи свою куртку — на обратную дорогу.

В машине я достала телефон и написала Лекси: «Мы уеха-

ли за город. Без плана. Просто гуляли, собирали цветы, сидели на траве и смотрели, как садится солнце. И знаешь… это было идеально. Не потому что всё вышло как в кино, а потому что это было наше. Настоящее». Лекси ответила почти сразу: «Вот! Я же говорила: лучшие моменты — те, где ты не стараешься быть кем-то другим. Где ты просто ты. И он просто он. И вы — вы. Держи это чувство. И держи его. И… если вдруг опять захочешь что-то приготовить — держись подальше от сковородок. Пусть романтика будет в прогулках, а не в пожарных учениях». Я рассмеялась, спрятала телефон и посмотрела на него. Он улыбнулся, не отрываясь от дороги, будто чувствовал, что я на него смотрю.

— Что смешного?

— Да так. Лекси. Она всегда знает, как вернуть меня на землю.

— Пусть. А я буду ловить, если ты опять взлетишь от восторга.

И я поняла, что даже если впереди будут новые неловкие моменты, новые «катастрофы» и новые попытки сделать всё идеально — рядом будет тот, кто просто скажет: «Ничего. Давай дальше». И этого достаточно.

Лекси ворвалась в чат в семь утра, когда нормальные люди ещё видят третий сон, и прислала голосовое: «Всё. Сегодня идеальный день за городом. Я всё продумала. У меня плед, корзинка, термос, бутерброды, список активностей и даже маленький складной стул, потому что никто не должен

сидеть на сырой земле. Встречаемся у твоей двери через час. И не спорь!» Я посмотрела на это сообщение, потом на свою пижаму с котиками, потом на будильник, который издевательски показывал 07:03, и тихо застонала.

— Лекси объявила идеальный день, — пробормотала я, протягивая телефон ему.

Он взял, прочитал, хмыкнул и спокойно сказал: — Значит, будет идеальный день. Даже если он начнётся с того, что мы забудем ключи. Мы не забыли ключи, но зато забыли термос. То есть Лекси его положила, а потом вытащила, потому что «он слишком тяжёлый и портит баланс корзины», и в итоге термос остался стоять на её кухне, гордо глядя нам вслед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.